

КНИГИ АНТОНА ТИХОМИРОВА
в ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ББИ:

ДОГМАТИКА БЕЗ ДОГМАТИЗМА

ИСТИНА ПРОТЕСТА.
Дух евангелическо-лютеранской теологии

ДРУГИМИ СЛОВАМИ.
Шедевры лютеранской духовной поэзии
в историко-богословском контексте

Антон Тихомиров

ДРУГИМИ СЛОВАМИ

**Шедевры лютеранской
духовной поэзии
в историко-богословском
контексте**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

ББК 86.37

УДК 225

Т 462

Тихомиров Антон
Другими словами. Шедевры лютеранской духовной поэзии в историко-богословском контексте. – М.: Издательство ББИ, 2020. – 227 с.

ISBN 978-5-89647-395-4

Эта книга знакомит читателя с творчеством великих поэтов-лютеран, которые были, говоря словами Пауля Тиллиха, безусловно захвачены откровением Бога, чей голос автор стремится услышать и понять не только в контексте прошедшей исторической эпохи, но и современной ситуации. Их слова могут казаться чуждыми, но именно в силу этой чуждости они, по мнению исследователя, и способны затронуть нас. В их чуждости проявляется та инаковость, то «другое», что позволяет нам по-новому взглянуть на привычные и «скучные» истины веры.

Верстка: Светлана Журавлева

Обложка: Элла Раскина

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме, включая размещение в сети интернет, без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Антон Тихомиров, текст, 2020

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2020
ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316
standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Введение..... 7

Неудобный ритм Реформации

Учение Мартина Лютера и его песнопение

Ein' feste Burg 19

Пир во время чумы

Образы единения с Христом и Царства Божьего

в хорах Филиппа Николаи 55

Таинство любви и смерти

Пауль Герхард и его песнопение

O Haupt voll Blut und Wunden..... 87

Застенчивый танец

Песня Юлии Хаусман

So nimm denn meine Hände..... 125

Тьма перед рассветом

Жизнь Йохена Клеппера и его песнопение

Die Nacht ist vorgedrungen..... 155

Полнозвучье тишины

Дитрих Бонхеффер. *Von guten Mächten*

как поэтическое откровение и начало движения

к «безрелигиозному христианству» 191

Введение

Точное и своевременное слово – это свидетельство о новой реальности. Точное и своевременное слово, положенное на музыку, и есть новая реальность.

Музыка и, прежде всего, общинное песнопение с самого начала были важными составляющими лютеранского богослужения и лютеранской духовности в целом. *Ocularia miracula longe minora sunt quam auricularia* – «Чудеса, которые мы видим глазами, куда меньше тех чудес, что мы воспринимаем на слух». Эти слова Мартина Лютера¹ относятся не только к Священному Писанию или проповеди, но и к музыке, особенно же к музыке, соединенной со словами, чем и являются евангелические церковные песнопения.

Тот, кто знает, что понятие Евангелия – центральное в лютеранстве, понятие, без которого в церкви и в мире все попросту бессмысленно, может оценить всю справедливость слов Дедо Мюллера, утверждавшего, что для Лютера музыка была своего рода естественной формой Евангелия². Перефразируя это высказывание, можно сказать, что музыка в восприятии великого реформатора сама по себе была спасительным явлением! Если в этом и есть преувеличение, то не такое уж большое. Музыка имеет отноше-

¹ Цит. по: Johannes Schwanke, *Creatio ex nihilo. Luthers Lehre von der Schöpfung aus dem Nichts in der Großen Genesisvorlesung (1535-1545)*, Berlin-New York 2004, S. 147, прим. 46.

² Dedo Müller, *Musik als Problem lutherischer Gottesdienstgestaltung*, Berlin 1947, S. 60, цит. по: Oskar Söhngen, *Theologie der Musik*, Kassel 1967, S. 84.

ние к нашему вечному спасению. Точнее говоря, она есть предвкушение и предощущение того, что ожидает нас в вечности.

Об этом мы еще поговорим, а пока отметим несколько основополагающих истин евангелического вероучения. Согласно ему, вечность и спасение даются нам исключительно благодаря страданиям и смерти Иисуса Христа, а не нашим личным качествам, усилиям, делам и способностям. Но о страданиях и смерти Христа необходимо как-то узнать. А это возможно только через слово провозвестия. О том, что мы спасены благодаря Христу, мы слышим в вести об этом событии. Пока нам о нем не возвестили, мы (если честны по отношению к самим себе) видим и знаем лишь наш грех и проклятие. Соответственно, о совершившемся спасении человеку нужно сказать. Это должно быть слово, сказанное извне, *verbum externum*³. Это слово – единственная наша надежда. Ведь внутри себя мы обнаруживаем лишь грех, а в мире – лишь принцип воздаяния. Здесь мы можем сделать еще один шаг вперед. Будучи возвещаемым, это слово, Евангелие, не просто рассуждает о спасении, оно непосредственно дает его нам.

Крупнейший современный специалист по гомилетике Вильфрид Энгеман считает, что проповедь (мы можем добавить: проповедь в любой форме, в том числе и как духовная поэзия) – это событие спасения, продолжающееся в наше время для конкретного слушателя⁴. Повторю, лютеранское богословие исходит из того, что мы спасены не в результате наших дел или качеств, а только благодаря смерти и воскресению

³ См. V артикул Аугсбургского вероисповедания.

⁴ Wilfried Engemann, *Einführung in die Homiletik*, Tübingen-Basel 2002, S. 89.

Иисуса Христа. Однако, чтобы достичь человеческих сердец и пробудить в них веру, это событие должно превратиться в слово провозвестия. О нем нужно возвестить. Весть о нем именуется в лютеранской терминологии «Евангелием».

Евангелие с точки зрения здравого смысла и традиционных религиозных установок всегда будет чем-то невозможным, поскольку религии обычно учат тому, что спасение требуется заслужить, добиться тем или иным способом. Евангелие же говорит прямо противоположное: спасение дается даром. Поэтому его нужно снова и снова возвещать людям. Каждый раз оно остается «всего лишь» обещанием Бога принять и спасти нас единственно ради Христа. Причем это обещание звучит в многоголосье других слов в мире. Это обещание невозможно обосновать, оно противоречит всей нашей природной религиозности, исходящей из того, что для спасения необходимы постоянные усилия. Лютеранская церковь в вопросе спасения учит верующих уповать не на свои, вполне ощутимые, духовные или какие-то иные достижения и качества, и даже не на вполне видимое и понятное посредничество церкви, а исключительно на ничем не подтверждаемое на практике обещание Бога. В этом – великое дерзновение лютеранского учения.

Для Лютера наиболее естественной формой возвещения Евангелия была устная проповедь. В одной из ключевых своих работ он пишет: «Прежде всего необходимо помнить, что христианская община ни в коем случае не должна собираться без проповеди Слова Божьего и молитвы, даже если они собираются ненадолго. ... Если Слово Божье не проповедуется, то лучше

совсем не петь и не читать, да и вообще не собираться вместе»⁵.

Проповедь – не просто размышления о спасении и не наставления на религиозные темы, а сакраментальный акт, непосредственный акт Божьего откровения и осуществление спасения здесь и сейчас. В этом смысле ее можно уподобить официальному зачитыванию оправдательного судебного приговора, без которого приговор не может вступить в силу. При этом проповедь отличается, скажем, от формулы отпущения грехов на исповеди: чтобы донести Евангелие до конкретных людей, собравшихся в определенном месте и в определенное время, она каждый раз формулируется заново. Помимо проповеди, однако, могут использоваться и другие формы провозвестия – например, песнопения.

Евангелие несет нам спасение, а тем самым и мир с Богом. Но интересно, что и музыка достигает практически того же результата. Лютер полагал, что «наряду с богословием лишь она [музыка] достигает сравнимого с богословием, а именно душевного мира и покоя»⁶. Однажды после вечернего пения мотетов, которое Лютер регулярно практиковал, он сказал: «Если Господь наш Бог уже в этой жизни, подобной отхожему месту, дал нам столь благородные дары, то что же произойдет в жизни вечной, где все совершенно и прекрасно?!»⁷ Очевидно, что, будучи столь значительным даром

⁵ Martin Luther, „Von Ordnung Gottesdiensts in der Gemeinde“, in Martin Luther, *Ausgewählte Schriften*, Frankfurt und Leipzig 1995, Band 5, S. 28.

⁶ Цит. по: Heinz Schilling, *Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs*, München, 2013, S. 536. См. рус. пер.: Хайнц Шиллинг, *Мартин Лютер. Бунтарь в эпоху потрясений*, М.: ББИ, 2017, с. 559.

⁷ Ibid., S. 538 (рус. пер.: там же, с. 562).

Бога, музыка с полным правом может быть использована на богослужении и в своем чистом, инструментальном виде. Но соединяясь со словом Евангелия, спасительным словом, имеющим поэтическую форму, она обретает и вовсе невиданную мощь. Богослов и церковный музыкант Оскар Зёнген так писал о гимнах новозаветного времени, имея в виду как их музыкальную, так и текстовую составляющую: «Песня, гимн стали единственной формой выражения и коммуникации, пригодной в новом эоне, который с пришествием Господа ворвался в старый эон»⁸. А вот размышления известного современного богослова Акселя Денеке, с которым мы еще встретимся в главе, посвященной Дитриху Бонхефферу:

Поэзия – оазис в пустыне, остров в море слов, которые мы произносим в повседневной жизни, в богословских спорах, в столь тяжелых и сложных порой проповедях. ... Я спрашиваю себя, не есть ли поэзия в конце концов язык, наиболее подходящий для того, чтобы говорить о Боге, возвещать его Слово. Не сочинять нечто о нем, а его действием делать прозрачным вечное во времени. Эрнст Блох однажды сказал, что на это способна только музыка. ... Я спрашиваю себя, не так же ли обстоит дело и с поэзией⁹.

Речь идет о том, что поэзия с ее образным языком способна выразить божественную истину глубже, чем строгие богословские дефиниции и догмы. В последних нам дается лишь внешнее описание божественного, в то время как поэзия позволяет прикоснуться к

⁸ Oskar Söhngen, *Theologie der Musik*, S. 12.

⁹ Axel Denecke, „Gott ist bei uns...“ *Theo-Poesie. Dietrich Bonhoeffers späte Wende zu einer poetischen Theologie*, Wiesbaden-Berlin, 2014, S. 1-2.

нему самому. Думается, что Лютер и реформаторы его круга согласились бы с таким выводом. Не удивительно, что сам Лютер начал создавать для евангелических общин песнопения и к этому же призывал своих соратников. Именно песнопения стали важнейшей силой продвижения реформаторских идей.

Музыка, как полагал Лютер, не просто наука или искусство. Она – прямое творение Божье. Она создана непосредственно Богом на благо человека. Музыка – величайший Божий дар человеку. Она веселит душу, изгоняет бесов, дарит чистую радость, выдворяет все злое из души; когда царит музыка, на земле устанавливается мир, поскольку она внутренне связана с миром. И это не фигура речи. Для Лютера это чистая правда и реальность. Именно поэтому Евангелие должно быть неразрывно связано с музыкой. Два величайших Божьих дара должны соединиться вместе, чтобы наиболее полно осуществить и достичь своей наивысшей цели. Конечно, и без связи со словом музыка может и должна звучать в церкви, потому что, когда она звучит, происходит благое Божье вмешательство в человеческий мир. Но в соединении с Евангелием музыка достигает вершины. Более того, нет ничего естественнее такого соединения: Евангелие и музыка как бы ищут друг друга, внутренне стремятся друг к другу.

Лютер считал, что нет плохой или недостойной музыки. Любая музыка – дар Божий. Поэтому для некоторых песнопений он заимствовал популярные мелодии, то есть, говоря современным языком, мелодии шлягеров. Писал он и мелодии для своих песен. Новые песнопения становились для него очень важным, действенным средством проповеди Евангелия. Недаром

часто говорят, что Реформация победила не проповедью, не учением, а пением.

Знаменитый русский поэт Серебряного века Николай Гумилев так описывает свои впечатления от посещения лютеранской церкви:

А снизу шум взносился многих,
То пела за скамьей скамья.
И был пред ними некто строгий,
Читавший книгу Бытия¹⁰.

Вот описание лютеранской церкви в стихотворении «Бах» Осипа Мандельштама:

Здесь прихожане – дети праха
И доски вместо образов,
Где мелом – Себастьяна Баха
Лишь цифры значатся псалмов.

В этой книге я ни в коем случае не претендую на полноту изложения. Я рассмотрю лишь небольшую часть евангелических (точнее – лютеранских) церковных песнопений. Разумеется, такая выборка крайне ограничена. Много важных текстов и их авторов останутся вне нашего обзора. Не войдут в него и такие эпохи, как Просвещение и пиетизм, то есть весь XVIII век и большая часть XIX века (это отчасти связано с моими личными предпочтениями и вкусом).

Кроме того, в этой книге я сознательно прибегаю к смешению жанров. Исторические сведения в ней перемежаются богословскими комментариями и личными размышлениями. Это обусловлено тем, что во многом я основываюсь на разнородных текстах: научных

¹⁰ Николай Гумилев, *Стихи. Письма о русской поэзии*, М., 1990, с. 322.

статьях, лекциях и проповедях, дополненных новым материалом. Тем не менее я надеюсь, что книга оставит у читателя пусть и сложное, но все-таки целостное впечатление.

Я сосредоточиваюсь прежде всего на текстах песнопений, на поэзии. Поэзия, как и музыка, дерзновенна, это всегда выход за поставленные пределы. Вспомним приведенные выше слова Акселя Денеке. Конечно, все рассматриваемые мною стихотворения – произведения церковного искусства, они находятся в церковном пространстве, следуют основным догмам и канонам евангелическо-лютеранского вероучения. Однако это не означает, что они скованы некими положенными им «рамками». Христианская вера и учение – это не рамки, не границы, а их страстное преодоление, прорыв к неизведанному, к тайне Бога и мира, это, говоря словами знаменитого автора детективов Дороти Сэйерс, изумление перед «самой волнующей драмой из когда-либо предложенных человеческой фантазии»¹¹.

К сожалению, эта тайна, это приключение, это чудо со временем оказались пойманными в «клетку» догматического и «церковного» языка, перестали восприниматься как таковые. Поэтому именно поэзия, в том числе и церковная, остающаяся честной и верной себе, становится главным носителем божественного откровения, не позволяя ограничивать себя и раскрывая Божью безграничность и вечность изнутри. Вдохновленный голосом великих протестантских поэтов, я тоже позволил себе в этой книге размышления, ко-

¹¹ Цит. по: Martin Nicol, *Einander ins Bild setzen. Dramaturgische Homiletik*, Göttingen, 2005, S. 95.

которые могут показаться выходящими за пределы ортодоксии. Но повторяю: что есть подлинное богословие, как не вечный порыв за пределы и поиск нового языка, нового слова?!

Великая женщина-мистик Тереза Авильская, отчаявшаяся описать свою встречу с божественным на обычном языке, воскликнула: «Боже, дай мне другие слова!»¹² Подлинная поэзия и есть поиск «других слов»: новых образов, новых языковых приключений, новых небес нашей речи. Такой ход мысли и дал название этой книге.

Для меня важно познакомить читателя с творчеством великих поэтов-лютеран, которые были захвачены откровением Бога, помочь услышать и понять их голос в контексте соответствующей эпохи и, главное, в современной ситуации. Их слова могут (и должны) казаться чуждыми, но в силу этой чуждости они и способны затронуть нас. В их чуждости проявляется та инаковость, то «другое», что позволяет нам по-новому взглянуть на привычные и «скучные» истины веры. Творцам, которые жили столетия до нас, которые любили, верили, радовались и страдали, есть что сказать нам. Если читатель ощутит их живое присутствие, а через него и присутствие таинственного, любящего Бога, – это будет для меня высшей наградой.

¹² Цит. по: Dorothee Sölle, *Mystik und Widerstand* [электронное издание], S. 104. Далее я буду часто ссылаться на эту книгу. Не разделяя многих идей Доротей Зёлле, я все же считаю, что в ее книге представлен один из лучших и наиболее вдохновляющих обзоров христианской мистики.